

УДК 821.161.1.09

**«ЛЕТО ГОСПОДНЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ И ИВАН ШМЕЛЕВ)**

© 2014 г.

Д.Б. Терешкина

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

terdb@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2014

Предпринята попытка уточнения смысла заглавия романа И.Шмелева "Лето Господне"; проводится параллель с проповедью Ф. Прокоповича, посвященной разъяснению этого библейского термина.

Ключевые слова: православный год, идиллический хронотоп, идея спасения, линейное время.

Библейское выражение «лето Господне» ассоциируется в сознании большинства читателей с широко известным романом Ивана Шмелева с одноименным названием. Роман-воспоминание, повествующий о жизни героя в кругу воцерковленной семьи, построен по циклическому кругу христианских праздников года и мирских событий, происходящих в трех пластах, обозначенных автором: «праздники – радости – скорби» [1, с. 255]. Четкая композиция романа, ясно обозначенная идея произведения, эксплицитно выраженный православный контекст – все это делает «Лето Господне» Шмелева текстом, в целом не предполагающим полярных толкований, лишь дающим основания для более или менее глубокого постижения его смысла. В настоящей статье мы бы хотели сделать некоторые уточнения в отношении ключевой единицы смысла романа – слов из Библии, ставших его названием.

Пожалуй, ни в одном из известных нам исследований о романе И. Шмелева «Лето Господне» не говорилось о прямом значении этого выражения, читающемся в Евангелии от Луки (4: 16–21). Хотя кажется очевидным, что такой воцерковленный и богословски образованный писатель, как Шмелев, не мог употребить в своем произведении (тем более – в его заглавии) евангельские слова независимо от контекста их употребления и их непосредственного значения, т.е. только лишь для обозначения круга времени «лета Господня», как бы символически оно ни трактовалось.

Слова «лето Господне приятное» читается в проповеди Иисуса Христа в Назарете¹. Христос обращается к книге Исайи², где предвосхищается наступление «лета Господня благоприятного», и возвещает собравшимся, что обещанный пророком «юбилейный год»³ наступил. «Свидетели Слова Господа, а главное, – Его исцеляю-

щих деяний – знают, что вместе с пришествием Иисуса и вместе с той властью, которая Ему дана, Бог открыл в мире новую эпоху, новый век, новую Жизнь, обещанное мессианское время спасения» [2]. Таков контекст выражения, ставшего названием романа И.С. Шмелева. К нему мы еще вернемся.

Отрывок из Евангелия от Луки (4: 16–21), в котором рассказывается о начале проповеди Спасителя, читается в день церковного новолетия, в чине летоководства (1 сентября по ст.ст.). Объяснение значения читаемых евангельских слов (подзабывшихся в русской среде вследствие изменения календаря Петром I) находим в блестящем «Слове на новое 1725 лето» Феофана Прокоповича⁴. «Слово» было произнесено 1 января 1725 г. в Троицком соборе Санкт-Петербурга. Как отмечает комментатор «Слова» И.В. Курукин, «в проповеди Феофан не упустил случая еще раз оправдать культурные новации Петра I и, в частности, установление новой системы летоисчисления от Рождества Христова с переносом наступления нового года с 1 сентября на 1 января» [3, с. 588]. Однако главное в этом слове все-таки не это, а развитие темы «лета Господня» с развернутой отсылкой к первоисточнику и его толкованием.

«Здравствуй в новой год <...> тако друг друга поздравляя, желаем и желати долженствуем всякого добра, и благопоспешествова, наипаче же душевнаго, получитьи время благоприятно, и день спасения, и достигнути онаго лета ожидаемаго, безпечальнаго, всерадостнаго и конца неимушаго, Господем нашим Иисусом Христом» [3, с. 193]. Здесь Прокопович под «летом Господним» подразумевает Царство Небесное со Христом, которое хочет по смерти достигнуть каждый христианин. «...приятное лето, которое нам сотворил своим в мир пришествием Сын Божий; но *всего сего радостнейший*

конец лета сего (курсив мой – Д.Т.). Аще бо кто лето сие проведет непременно до конца жития своего, начнет лето оное блаженное и некончаемое на небеси. <...> Лета наша вещественная не имеют постоянства <...> Лето же Господне приятное дверь есть вечной жизни» [3, с. 196]. Если бы все кончалось нашей земной жизнью, пишет далее Ф. Прокопович, а не в бесконечные веки преходило бы, то не только «неприятно было бы, но и окаянно». «Что больше живем, тоближае к смерти <...> и когда поздравляем себе новым годом (глаголю просто о годах жизни временной), что се мы делаем? Всего нашего поздравления таковой толк: здравствуй, что приближается к смерти» [3, с. 198].

Таким образом, в слове Феофана Прокоповича произведена четкая дефиниция богословского обозначения времени, где «время», «год» и «лето» значат не то, что обычно смешивается в обыденном употреблении. Время спасения – это настоящее христианина (Кор 2, 6:2). Год – это циклически организованное земное время спасения, расписанное по трем символическим кругам времени: годовых церковных праздников, дневного и седмичного круга. Лето Господне – это символ Царства Божия, которое грядет и которое «таинственно растворено» внутри христиан, ныне живущих.

Вернемся теперь к роману Ивана Шмелева. Какое лето Господне имеет в виду автор, описывая праздники, радости и скорби церковно организованного житейского круга?

Стала общим местом трактовка смысла заглавия романа как представления об ушедшем земном счастье в кругу воцерковленной семьи, как о «лете Господнем» на земле, среди родных и бесконечно дорогих людей, в обычных делах, освященных благодарной и благоговейной памятью и верой. Это, несомненно, верно, и мысль эта уже многожды описывалась исследователями. Еще И.А. Ильин обстоятельно и проникновенно писал о романе, в котором, по его убеждению, соединился ход двух солнц – планетного и духовно-православного: «Шмелев показывает нам и всему остальному миру, как ложилась эта черед двусолнечного вращения на русский народно-простонародный быт и как русская душа, веками строя Россию, наполняла эти сроки Года Господня своим трудом и своей молитвой. Вот откуда это заглавие «Лето Господне», обозначающее не столько художественный предмет, сколько заимствованный у двух больших солнц строй и ритм образной смены» [7, с. 174 и далее]. И.А. Есаулов, развивая мысль И. Ильина, дополняет: «Время Шмелева не просто прорывается к вечности через

густой, осязаемый быт, но и само является именно эхом православной вечности, освящающей каждое мгновение циклического земного года. «Я смотрю на распятие. *Мучается* Сын Божий» – не в давно прошедшем времени христианской истории, а именно *сейчас, рядом* с героем, *за* него, а также соперничающего ему читателя. Соответственно противоположный тип хроноса – быстротекущее время линейного существования, утерявшее христианскую перспективу <...> отторгается шмелевским героем. <...> Так, вероятно, *целое человека* освобождается от смертных объятий линейного времени – конечно, с позиций православной ментальности. Причем, абсолютные ориентиры (Великий Пост, Благовещение, <...>), оставаясь вечно значимыми для христианского мира, никогда не «исчерпываются». Они *всегда* «новые», всегда «живые». Это то, что, всегда повторяясь и соединяя тем самым людей в сущностном соборном единстве жизни – смерти, радости и скорби, всегда неповторимо. Повторяются – значит, обладают абсолютной ценностью не только для меня, но и для всего христианского космоса; неповторимы – оттого что наполняют мою, именно мою жизнь единым и единственным смыслом» [4, с. 335–336].

Эта трактовка смысла названия романа, несомненно, верна. Однако все сказанное отчасти может быть применимо и к языческому сакральному году, отнюдь не сводящемуся исключительно к крестьянскому труду и житейским нуждам. Только христианство внесло в этот привычный земной календарь вертикальное (линейное) время, только оно предполагает *преодоление* земной цикличности, т.е. временности, преходящести. «Христианская философия унаследовала проблему дихотомии Сакрального-Профанного времени греческой культуры, но перевела ее в плоскость отношения Бога к сотворенному им миру, выделив оппозицию вечность (или божественное время) и собственно время (или земное время), где вечность является атрибутом Бога. Время принадлежит только Богу, человек же может лишь пережить время <...> Лишь включение земной жизни человека в историю спасения рода человеческого наполняет ее смыслом и ценностью. <...> Христианство привнесло понятие линейного исторического времени, поместив Бога в историческое время и утвердив историчность Иисуса Христа. <...> История разделилась на два периода: «до рождения Христова» и «после рождения Христа» и его страстей. В отличие от архаической мифологии с ее приверженностью к прошлому, для христианской мифологии цен-

ностью не только прошлое, как акт свершившейся трагедии, но мессианское будущее, начавшееся с момента появления Иисуса Христа и несущее воздаяние. Тем самым открывалась новая перспектива, где настоящее время обесценивалось в ожидании Страшного суда, но напряженно и интенсивно переживалось с надеждой на искупление и боязнью расплаты за грехи» [5]. Отрицать линейное устремление к Лету Господню – значит придавать смысл Лета Господня земной человеческой жизни, что не представляется верным: земная жизнь во всей христианской литературе (прежде всего – древнерусской, на которую во многом ориентировался И.Шмелев) представлялась как «сень и сон» и как «цвет травный», который «вмале рождается и вмале погибает». Это не противоречит жизни на земле со Христом, а только подтверждает ее. Без Христа жизнь на земле если и счастье (как в «Лете Господнем»), то в любом случае – конечное; лишь с Христом она – вечное блаженство, которое на земле пока невозможно.

Верным является утверждение, что в описании ощущений мальчика отчетливым оказывается живое присутствие Христа («мучается Сын Божий» и др.). Это словно доказывает пребывание Лета Господня на земле, в живом общении с Христом. Буквальное значение слов Иисуса в проповеди в Назарете «днесь сбытся писание сие во ушию вашею», как указывает о. Ианнуарий (Ивлиев), – «ныне в ваших ушах исполнилось это Писание». То есть через слушание присутствующих здесь и сейчас исполняется обетование всеобщего освобождения» [2]. Не лишним будет вспомнить, однако, что возраст мальчика в романе – еще тот, который церковь считает «младенческим», т.е. безгрешным; герой романа словно иллюстрирует заповедь Христа «будьте как дети» и лишь постепенно, по мере взросления, приходит к осознанию греха и прощения его во Христе, к практике покаяния и исповеди.

Кроме заглавия, выражения «Лето Господне» в романе нет. Это имеет концептуальное значение для понимания смысла романа. Автор не называет описываемый мир «Летом Господним», ему вообще чужда идеализация изображаемого и тем более – слащавая сентиментальность, которую часто приписывают роману те, кто видит в заглавии прямое указание на течение земной жизни⁵. Несомненно, в романе присутствует «идиллический хронотоп»⁶ как принадлежность семейной идиллии, со всеми свойственными этому явлению вниманием к быту (особенно – к гастрономическому его разнообра-

занию), общностью явлений природы с событиями человеческой жизни, ролью образа ребенка, замкнутостью пространства идиллического мира и т.д.⁷. Отношение автора к описываемому миру как идиллии проявляется в иронии, пронизывающей повествование. Ирония, согретая любовью и благодарной памятью, обнаруживает осмысление повествователем этого прекрасного, но все же бренного мира как мира, все время стремящегося к совершенству, но отнюдь не застывшего в этом совершенстве⁸.

Идиллия мира «Лета Господня» – утраченная, а потому описание ее в большой мере трагично; более того, в христианском сознании идиллия на земле невозможна – именно потому и тогда, когда «мучается Сын Божий». Видеть в «Лете Господнем» И. Шмелева «разрушение сусальной идиллии» неверно. Но предполагать в романе эту идиллию, это «уютное христианство» не менее пагубно. Это подтверждают и слова И.А. Ильина, как никто, знавшего настроение и смысл творчества И.Шмелева: «Для натур, подобных Достоевскому и Шмелеву <...> одной из основных опасностей является сентиментальность <...> Достоевский и Шмелев преодолели свою склонность к сентиментальности, найдя выход в сторону эпического созерцания и трагического порыва» [7, с. 155, 156]. И. Шмелев, по мысли философа, писал о том, что «страдание неизбежно для человека» [7, с. 186], но осмыслены и освящены эти страдания только тогда, когда они ведут к Богу. «И даже тогда, когда Шмелев начинает изображать блаженное счастье детства <...> то и оно окрашено в скорбное и подчас устрашающее предчувствие того, сколь мир ужасен <...> и тогда читателю открывается некое последнее измерение скорби, владеющей миром и отмечающей все человеческое на земле. <...> Художественный предмет Шмелева есть мировая скорбь и сам он – поэт мировой скорби». [7, с. 187, 188]

В «Лете Господнем» эта скрытая скорбь, это страдание выражено в теме греха, который осознает подрастающий герой (и видит его в себе, в любимых людях, в том числе обожаемом отце, ругающемся в праздничный день [1, с. 260]), а также в теме смерти, постоянно присутствующей на страницах романа и сюжетно завершающей его. Последние слова романа – молитвенное песнопение о надежде на прощение Господом человеку его грехов – лишь подтверждают земную смертность человека. Смерть для истинно верующего во Христа – это не допущение (как у И.А. Есаулова: «Однако Воскресения, увы, не бывает без смерти» [4, с. 337]), а един-

ственное и желаемое условие вхождения в Лето Господне. Мерилом для героя, еще до конца не осознающего это, становятся жития святых, высшей целью для которых была земная смерть как время желаемой встречи с Христом: недаром во всех близких ему людях он видит прообраз святых (прежде всего в Горкине, который и внешне «как святой», и других героях-«праведниках»). Земное, в живом общении с Христом, Лето Господне у Шмелева, пережившего тяжелейшие утраты (и героя романа, пришедшего к осознанию скорби, через праздники и радости мира), – это прежде всего ожидание, залог будущей радости встречи не только с близкими ему людьми, уже умершими, но и вхождения в истинное Лето Господне. Как афористично и отнюдь не парадоксально, а истинно по-христиански сказал Ф. Прокопович за два века до Шмелева: «Здравствуй, что приближается к смерти».

Примечания

1. «И прииде в Назарет, идеже бе воспитан: и вниде, по обычаю своему, в день субботный в сномище, и воста чести. И даша ему книгу исаии пророка: и разгнувъ книгу, обрете место, идеже бе написано: “Дух Господень на мне: Егоже ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя исцелити сокрушенныя сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, отпустити сокрушенныя во отраду, проповедати лето Господне приятно”. И согнув книгу, отдав слуге, седе: и всем в сномищи очи беху зряще на нь. И начат глаголати к ним, яко днесь сбыстся писание сие во ушью вашею» (Лк: 16–21).

2. «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедывать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих, возвестить сетующим на Сионе, что им вместо пепла дастся украшение, вместо плача – елей радости, вместо унылого духа – славная одежда, и назовут их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его» (Ис. 61: 1–3).

3. Юбилейным годом (йовелем) у народа Израиля провозглашался каждый пятидесятый год – время особого прощения грехов и дарования благ: «и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратится в свое племя. Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните, что само вырастет на земле, и не снимай-

те ягод с необрезанных [лоз] ее, ибо это юбилей: священный да будет он для вас; с поля ешьте произведения ее. В юбилейный год возвратитесь каждый во владение свое.» (Лев. 25:10-13)

4. «Слово» опубликовано: Феофан Прокопович. Избранные труды / Сост., автор вступ.ст.и комм. И.В. Курукин. М., 2010. С. 192–199.

5. См. показательный в этом отношении заочный спор И.А. Есаулова с Л.А. Спиридоновой, увидевшей в деталях романа «разрушение сусальной идиллии» (Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание, с. 326–328).

6. С.В. Шешунова, исследовавшая в свое время роман И.Шмелева «Няня из Москвы», пишет об этом: «В послереволюционной русской литературе православный календарь стал олицетворением «старого мира», зачастую вызывающего ностальгические чувства. Он отождествляется с идиллическим хронотопом, умиротворенность которого особенно остро воспринимается по контрасту с современной развороченной жизнью» (Шешунова С.В. Образ мира в романе И.С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна, 2002. С. 19).

7. См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Идиллический хронотоп в романе / Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. М., 2012. С. 472–489.

8. См. об этом: Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. Мюнхен, 1959. С. 161–162.

Список литературы

1. Шмелев И. Лето Господне. М.: Молодая гвардия, 1991. 653 с.

2. Архим. Ианнуарий (Ивлиев). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/1leto-gospodne-znamenie-ostavleniya/>

3. Феофан Прокопович. Избранные труды/ Сост., автор вступ.ст.и комм. И.В. Курукин. М.: РОССПЭН, 2010. 623 с.

4. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 447 с.

5. Иванова Ю. Категория мифологического времени в современном романе-мифе (на примере романа Джеймса Джойса «Улисс»). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.james-joyce.ru/articles/kategoriya-mifologicheskogo-vremeni8.htm> (дата обращения 27.04.2014).

6. Шешунова С.В. Образ мира в романе И.С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна: Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна», 2002. 99 с.

7. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. Мюнхен: [б.и.], 1959. 196 с.

**«THE SUMMER OF THE LORD» IN RUSSIAN LITERATURE
(FEOFAN PROKOPOVICH AND IVAN SHMELEV)**

D.B. Tereshkina

In this article, an attempt is made to clarify the meaning of the title of the novel «Leto Gospodne» («The Summer of the Lord») by Shmelev. The parallel is drawn with the sermon by F. Prokopovich which is dedicated to an explanation of this bible term.

Keywords: orthodox year, idyllic chronotop, idea of rescue, linear time.

References

1. Shmelev I. Leto Gospodne. M.: Molodaya gvardiya, 1991. 653 s.
2. Arxim. Iannuarij (Ivliev). [E'lektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.pravmir.ru/1leto-gospodne-znachenie-ostavleniya/>
3. Feofan Prokopovich. Izbrannye trudy/ Sost., avtor vstup.st.i komm. I.V. Kurukin. M.: ROSSPE'N, 2010. 623 s.
4. Esaulov I.A. Russkaya klassika: novoe ponimanie. SPb.: Aletejya, 2012. 447 s.

5. Ivanova Yu. Kategoriya mifologicheskogo vremeni v sovremennom romane-mife (na primere romana Dzhejmsa Dzhosja «Uliss»). [E'lektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.james-joyce.ru/articles/kategoriya-mifologicheskogo-vremeni8.htm> (data obrashheniya 27.04.2014).
6. Sheshunova S.V. Obraz mira v romane I.S. Shmeleva «Nyanya iz Moskvy». Dubna: Mezhdunar. un-t prirody, o-va i cheloveka «Dubna», 2002. 99 s.
7. Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii: Kniga xudozhestvennoj kritiki. Bunin – Remizov – Shmelev. Myunxen: [b.i.], 1959. 196 s.